

*Черкас М.А., Ромелашвили Л.В.
Белорусский государственный университет*

СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ОТЛАГАТЕЛЬНЫХ ИМЕН ДЕЯТЕЛЯ

Наиболее типичное и наиболее универсальное имя деятеля в немецком языке - это произвольное существительное отглагольного происхождения, маркированное суффиксальным формантом *-er*. Целостность и системный характер обеспечивает отглагольным именам деятеля единство происхождения. Благодаря общему генезису, все единицы наследуют главные семантико-категориальные признаки глагола - действие, процесс, состояние. Чтобы установить более точные семантические линии дифференциации в системе отглагольных имен деятеля, нужно выяснить, как различаются сами глаголы по степени выраженности действия, процесса и состояния.

К первому подклассу относятся отглагольные имена деятеля, мотивированные акциональными глаголами со значением «вмешательство человека в окружающую действительность» или «изменения в ней, возникающие в ходе деятельности человека» [1, с. 67]. Действия могут быть двух родов: физические, направленные на внешнюю материю, и психические, направленные на внутренний мир человека. Если физические действия вызывают изменения в объекте, то психические действия связаны с изменением самого субъекта. Своеобразие физических и ментальных актов, а, следовательно, семантическая специфика обозначающих их глаголов позволяет расчленить последние на «истинно акциональные» и «квазиакциональные». Отглагольные имена деятеля, мотивированные истинно акциональными глаголами, как *Backer Veranderer, Erbauer, Sortierer, Zersager, Hersteller* и др. Производные, образованные от квазиакциональных глаголов, соотносятся с признаками умственной, эмоциональной, волевой и проч. деятельности: *Erklärer, Troster, Wahrnehmer, Beleidiger, Warner, Verherrlicher* и др.

Во второй класс входят имена от процессуальных глаголов. И данная группировка глаголов не является однородной, в ней можно выделить «истинно процессуальные» и «квазипроцессуальные» значения. С истинно процессуальными значениями исходных глаголов соотносятся, например, имена деятеля: *Einwanderer, Ausreifer, Verrecker, Desertierer, Marschierer, Hemiganger* и т.д. Имена, мотивированные квазипроцессуальными глаголами - это *Dulder, Lauscher, Quatscher, Hellseher, Gaffer, Beter, Heuchler, Faulenzer* и т.д.

Третий класс - имена деятеля, мотивированные стательными глаголами, вычлняются в сравнительно небольшом количестве: *Sitzer, Schlafer, Schweiger, Strammsteher, Auflieger* и др.

Все имена деятеля модели «основа глагола + -er» указывает своей семантикой на исполнителя действия (состояния, процесса), в чем и состоит системная функция данной модели. Но в пределах общей функции существуют многообразные частные значения - разные семантические оттенки в соответствии с лексико-семантическими особенностями глагольных основ. Способность отглагольных имен выражать разные свойства деятеля (по его разнообразной деятельности) и объясняет, почему выделение семантических классов или групп в них не может быть абсолютным.

И все же правомерно прибегнуть к относительному распределению отглагольных имен деятеля по их семантическим разновидностям. За основу должны быть взяты профессиональность-непрофессиональность, постоянство-временность действия. Конечно,

не исключено, что одни и те же слова способны маркироваться признаками, которые вводят их в разные группы, и лишь в синтагматике раскрывается полная специфика языковых знаков вторичного образования. Об этом свидетельствует следующий пример: имя деятеля *Sprecher* способно реализовать ряд значений:

1. «говорящий» (в данный момент): *Jetzt nimmt er das Bierglas in die Hand und geht quer durch das Lokal auf den Tisch des Sprechers zu* [2, с. 232];

2. «диктор» (говорящий в силу своей профессии): *Der Sprecher schaltete sich ein: „Hier ist Rias Berlin...“* [3, с. 395];

3. «старший» (кому принадлежит решающее слово): *„Nimm das Werkzeug, warte, sitz abseits, wir brauchen nachher noch einmal, das sagte der Sprecher der beiden Manner zu mir...“* [4, с. 80];

4. «оратор» («профессионал» при случае): *„Der (Jefferson) war ein schlechter Sprecher, seine Stimme trug nicht, und er hatte die Verteidigung seines Wortlauts dem Kollegen Adams uberlassen müssen...“* [5, с. 327].

При всех таких сложностях и нюансах реально, возможно, исходить из следующего общего постулата: имена деятеля выражают того, кто совершает действие, обозначенное основой мотивирующего (производящего) глагола. А отношение к совершаемому действию у того, кто его совершает, бывает разным. По критерию отношения деятеля к совершаемому им действию выделяется, прежде всего, тип имен, связанных с активным действием, собственно деятельностью, или родом занятий. Для их семантики характерно постоянное, привычное, длительное (профессиональное) действие: *Dachdecker, Lehrer, Steinsetzer, Tapezierer, Buchbinder, Schweifler* и др. Важно лишь заметить, что образования этой группы могут обозначать лицо, совершающее одно и то же действие и в качестве профессионала, и в качестве лишь исполнителя (по контексту или в ситуации). Сами их действия могут быть:

а) прикреплены к трудовым сферам: *Stellmacher, Kienbrenner, Giefier, Heizer, Kuhpflieger, Kohlenbagger* и др.;

б) прикреплены к сферам увлечений, интересов: *Bergsteiger, Hammerwerfer, Schwimmer, Radfahrer, Turner* и т.д. Как подчеркивает В. Хенцен, именно обозначение лиц по их конкретной профессии было первоначальной и основной областью применения для образований с помощью форманта *-er* [6, с. 165].

К первому семантическому типу примыкают также слова, не дифференцированные в своем значении по принципу активности (пассивности) действия. Скорее можно утверждать обратное: в значениях таких слов сочленены признаки активности (само действие,

деятельность, род занятий, активная функция) и пассивности (имя как объект воздействия со стороны другого лица или лиц): *Uberbringer, Befehlsausfuhrer, Brieftrager* и др.

Во втором семантическом типе объединяются имена по признаку профессионально немаркированной деятельности. Слова, входящие в эту группу, выражают многократно повторяемое действие, которое в результате этого становится привычкой, чертой характера, склонностью: *Meuchler, Heuchler, Sterngucker, Norgler, Winkelzieher* и др.

Имена деятеля, наделенные значением качественной характеристики, выступают как носители свойств или признаков. В подобных случаях логично говорить об обозначении «деятеля» по определенным чертам, как носителя тех или иных черт: *Streber, Trodler, Spalter, Prahler, Muffigganger, Nutzniefer* и др. Многие из аналогичных образований приобретают экспрессивный пренебрежительно-иронический оттенок значения: *Blender, Aufschneider, Topfrieher, Zeilenkritzer, Zitatenschwitzer* и т.д. Экспрессивный оттенок в отглагольных именах деятеля возникает в немалой степени под воздействием того факта, что базой их образования служат глаголы со значением действий, характерных не для человека, а для представителей фауны. Всякая выразительность строится на необычности, неожиданности. Сущность экспрессивного механизма состоит либо в создании, привлечении нового элемента, либо в функциональном сдвиге языкового элемента, в помещении его в несвойственное ему окружение. Это наблюдается, например, в словах: *Schleicher, Kriecher, Saufer, Fresser, Lecker, Schmufler* и др., например:

„*Der Lustling, ... der Geldgierige, ... und der Fresser, der eine zweite Portion Schlagsahne frafi, wiewohl er wusste, dass sie ihm schadlich war, alle diese lebtenfort in dem Weltmann und in dem gefeierten Weisen und in dem schlauen und freundlichen alten Herrn, ... und in dem schlichten und wurdigen Gesandten ...* " [7, с. 165].

Третий семантический тип составляют имена, обозначающие носителя состояния, они внутренне дифференцируются в зависимости от признака состояния: *Firmeninhaber, Pfandleiher, Besitzer, Bettler, Unterdrucker, Ausbeuter* - признак имущественного и социального положения; *Wurdentrager, Oberbefehlshaber, Armeefuhrer* и т.д. - признак служебного положения; *Bewoher, Einsiedler, Mieter, Heimkehrer* и др. - признак связи с территорией, местом проживания и прочее.

Четвертый тип представляют имена деятеля, характеризующиеся признаком совершаемого однократного, ограниченного во времени действия. В то время как количество образований ранее названных типов так или иначе ограничено, ибо не всякое действие способно

отражать профессию или индивидуальную черту, этот четвертый тип включает в себе потенцию снятия границ. Его границы носят спонтанно-речевой характер, хотя и остаются в пределах системной модели, свидетельствуя тем самым о продуктивности модели, характерным признаком которой в аспекте носителя языка и выступает потенциальная возможность ее использования для свободного образования (конструирования) новых слов. Сюда входит множество контекстных наименований, т.е. обозначений *ad hoc*: *Kurvenschneider*, *Problemauflöser*, *Mappenbezieher*, *Wunschenotierer* и др.

Факт появления окказиональных слов в речи, в том числе и слов данной модели, служит доказательством того, что словарный состав языка является открытой системой. Вне контекста своего возникновения окказиональные слова непонятны (например, *Entenlehrer*, *Berufseinschuchterer*, *Salzwasserspucker*, *Magermilch-Dichter*, *Mehrwertfresser* и др.) или же допускают возможность различного толкования, имеют ярко выраженный индивидуально-речевой характер и, с точки зрения контекста, их тесную связь с последним, например:

„Der erste Band der Reisebilder war ein großer Erfolg. Am Erfolg des zweiten Bandes soll Immermann teilhaben. Er (Heine) bittet ihn um Beiträge und Immermann schickt spitze Xenien, Pfeile gegen die dunn dreisten Nachahmer, die Poetlein ohne Kraft, die Magermilch-Dichter“ [8, с. 305].

Окказиональное слово *Magermilch-Dichter*, вызванное к жизни контекстом, выступает в качестве суммарно-образного обозначения бездарных сочинителей стихов, подчеркивая наиболее существенную их черту - «обезжиренность», «худосочность» творческой потенции (неожиданный образ - *Magermilch*). Описание строится, к тому же, по принципу градации: экспрессивно-ироническая тональность нарастает в направлении к концовке микротекста. Имя деятеля *Magermilch-Dichter* несет поэтому подытоживающий смысл, вбирая в себя фактически все, что сказано до него (*die dunn dreisten Nachahmer, die Poetlein ohne Kraft*), благодаря чему оно воплощает вершинную точку оценочной характеристики. Ему и предписывается авторской интенцией наибольшая доля участия в «оказании воздействия на чувства читателя и возбуждение реакции эстетического порядка» [9, с. 23]:

„Warum“, fragte sie (Dawja), „übersetzt man das Wort Kapitalist nicht mit Mehrwertfresser? ...“; „Weil“, sagte er (Sascha). ... „sie selbst die Sprache in ihre Dienstbarkeit brachten, die Mehrwertfresser, und sie es sich verbieten, beim Namen genannt zu werden. Es ist ja so klar, der Mehrwertfresser muss seinen Topf mit so viel Gut füllen, als er überhaupt

raffen kann, gleichgültig in wessen Grenzen es wachst. Dann nennt man ihn Eroberungsfresser oder Imperialisten" [10, с. 437].

Во втором микротексте обрисовывается всеядный эксплуататор, авторская оценка которого лежит в основе контекстуального появления окказионализмов *Mehrwertfresser* (пожиратель прибавочной стоимости), *Eroberungsfresser* (снедаемый жаждет положительных захватов, пожиратель чужих границ). Они воздействуют на адресата прежде всего своей непривычностью. Кроме того, сила воздействия обоих номинантов имеет опору в грубой стилистической окраске, исходящей от производящих глаголов жрать, пожирать (*fressen*) и сохраняющейся в производном имени пожиратель (*Fresser*). Печатью грубого произвола и безграничной алчности маркируется при этом образ не одного лица, а целого социального класса.

При создании окказионализмов широко используется метафора и метонимия, в русле переноса значений и нерегулярных сцеплений слов. Это происходит так, что намеренное измерение валентности лексемы, помещение ее в необычайный синтагматический контекст приводит к развитию у нее нового, окказионального, часто образного значения. В коммуникативном плане даже простая метафора формирует впечатляющий образ, заменяя собой развернутое описание, поскольку при этом не только называется предмет, но и дается ему, на основе какого-то признака и в экономайной форме, экспрессивная характеристика, которая часто содержит отношение сравнения. Например:

Der Autor sieht sich nun mehr gezwungen, etwas über das neue Liebesverhältnis seines Helden zu berichten, denn er bemüht sich, althergebracht zu erzählen; er wünscht nicht zu den modernen literarischen Grashopfern zu gehören [11, с. 304].

Таким образом, можно сказать, что рост числа окказионализмов обусловлен рядом экстралингвистических и лингвистических факторов. К числу экстралингвистических следует отнести постоянно действующую тенденцию к развитию, усложнению, дифференциации мышления и, соответственно, к адекватности языкового выражения дифференцированного смыслового содержания. В качестве соответственно лингвистических факторов следует назвать семантическую многоплановость (многопризнаковость) данного класса слов, их способность к компрессии - «сжатию» в однословной единице большого объема содержания.

Следовательно, производными на -er выражается в немецком языке понятие деятеля вообще, без указания или с указанием на профессиональность / непрофессиональность, постоянность /

временность действия, деятельности. Эти признаки значения, как и многие другие, уточняются в контекстах реализации. Единицы появляются в контекстах как по причинам чисто языковым, соотношенным с синтагматикой языка, с потребностями языкового-стилистического оформления, так и под воздействием коммуникативной необходимости (прагмакоммуникативного фактора), легко и свободно образуясь по системной модели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Brinkmann, H. Frühgeschichte der deutschen Sprache // Studien zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur Bd. I. / H. Brinkmann. - Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1965. - с. 279-342.
2. Fallada, H. Der eiserne Gustav/ H. Fallada. - Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1967.- 847 с.
3. Strittmatter, E. Der Wundertater. Zweiter Band / E. Strittmatter. - Berlin und Weimar: Aufbau - Verlag, 1982. - 412 с.
4. Kant, H. Der Aufenthalt / H. Kant. - Berlin: Rutten & Loening, 1982. - 600 с.
5. Feuchtwanger, L. Die Fuchse im Weinberg / L. Feuchtwanger. - Berlin: Aufbau - Verlag, 1961.- 577с.
6. Henzen, W. Deutsche Wortbildung / W. Henzen. - Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1965.- 314 с.
7. Feuchtwanger, L. Die Fuchse im Weinberg / L. Feuchtwanger. - Berlin: Aufbau - Verlag, 1961.- 577с.
8. Steinberg, W. Der Tag ist in die Nacht verliebt. - Halle (Saale): - Mitteldeutscher Verlag, 1969.- 379 с.
9. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. - М.: Наука, 1981.- 138с.
10. Zweig, A. Der Streit um den Sergeanten Grischa / A. Zweig: - Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1966. - 437 с.
11. Strittmatter, E. Der Wundertater. Erster Band / E. Strittmatter. - Berlin und Weimar: Aufbau - Verlag, 1982. - 524 с.